

50 лет назад был закрыт знаменитый ТИМ - Театр имени Мейерхольда

Юрий ЕЛАГИН

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ ПОСЛЕДНЕГО ТЕАТРА

И тогда пришел человек с ружьем

Во второй половине 1936 года вся деятельность театра как бы замерла. На какой-то период воцарилась мертвая творческая тишина — тишина кладбища. Начальник театрального управления Боярский посвятил этому подозрительному молчанию свою статью в «Правде» от 22 октября, в которой звучали испуг и растерянность. Арестован был ряд советских драматургов: Бабель и Олеша, Киршон и Файко. Афиногенов впал в тяжелую опалу после своей пьесы «Ложь», Булгаков — после «Мольера».

тенденциозной лакировки. Потрясающее впечатление на зрителя произвела безмолвная сцена прохода по авансцене девушки, изнасилованной взводом красноармейцев... 17 декабря 1937 года в «Правде» появилась большая статья Керженцева «Чужой театр». Тон ее не оставлял никаких сомнений в ее назначении. Мейерхольда и его театр приканчивали. Грубость, жестокость и лживость этой статьи нельзя даже поставить в упрек Керженцеву. Злобная сталинско-ежовская патология говорит в «Чужом театре» так же, как и во всем, что печаталось в это кошмарное время. 8 января в центральных газетах был опубликован следующий приказ Комитета по делам искусств:

а) Ликвидировать Театр имени Мейерхольда как чуждый советскому искусству. б) Труппу театра использовать в других театрах. в) Вопрос о возможности работы Мейерхольда в области театра обсудить особо. 17 января 1938 года Жданов произнес речь на первой сессии Верховного Совета СССР, в которой жестоко разнес деятельность Комитета по делам искусств. Главными пунктами обвинения были: случаи с «Богатырями» и Театр Мейерхольда, который Керженцев так долго терпел «у себя под носом» и даже поощрял, «разбазаривая государственные средства» на это вредное предприятие. После речи Жданова Керженцев был снят с работы, а все его заместители во главе с Боярским и большинством из ответственных чиновников ВКИ арестованы. В самый день опубликования приказа о закрытии Театра Мейерхольда, 8 января, по распоряжению Комитета по делам искусств во всех театрах Советского Союза были проведены митинги, на которых актерам и режиссерам было предложено осудить Мейерхольда и одобрить правильнейший приказ. Лучшие из московских театров проявили необычайное чувство товарищеской солидарности к старому мастеру в день его несчастья. Никто из актеров русского театра не выступил против Мейерхольда. Ораторствовать на митингах и превозносить мудрость властей выпало секретарям партийных организаций и председателям месткомов. Даже среди коллектива Театра им. Вахтангова, в свое время так несправедливо обиженого Мейерхольдом, не нашлось никого, кто бы захотел бросить в него камень. На собрании царил многоразительное и демонстративное молчание. На митинге в театре МОСПС дело не ограничилось одной пассивной оппозицией. Когда председатель митинга прочел приказ о ликвидации ТИМа и открыл прения, слово тотчас же попросил один из молодых режиссеров и начал взволнованную речь:

— Лишние слова, — кричал председатель, отчаянно звоня в колокольчик. Сам В. Э. не был арестован, как предполагали тогда многие, а очутился в тяжелой опале, на положении отвергнутого всеми безработного старого артиста. Большие люди искусства сочувствовали ему, но, конечно, помочь ничем не могли.

Станиславский против Жданова

И вот в его черный день пришел к нему на помощь его великий творческий противник. Престарелый Станиславский, уже давно отошедший от дел Художественного теат-

формализма. Каждый правоверный социалист считал теперь своим долгом сказать несколько бранимых слов по его адресу. Ряд статей, посвященных обстоятельному анализу его творчества с позиций ждановщины, при всем их внешнем глубокомыслии явились в действительности обширными комментариями к «Чужому театру» Керженцева (например, статья Гуса «Мейерхольд и формализм в советском театре» в майском выпуске журнала «Театр»). Актеры ТИМа были еще в начале года быстро рассортированы театральным управлением по московским театрам. Игорь Ильинский и Царев были приняты в Малый театр на первое положение. Одна лишь Райх продолжала оставаться безработной, разделив опалу своего супруга. 6 августа 1938 года умер Станиславский. Однако и после смерти своего великого противника и верного покровителя В. Э. мог продолжать свои занятия в студии. Атмосфера в стране в это время уже стала понемногу разряжаться. Ежовщина шла на убыль, террор спадал, количество арестов уменьшалось. Затянулось наступило и на идеологическом фронте. Осенью, как всегда, советские театры открыли новый сезон. То был уже сезон торжественнейшего «социалистического реализма». Театры «страны победившего социализма» (с помощью Лубянки) успешно выполнили ждановский наказ и научились заглядывать в советское «завтра».

По прецеденту Эйзенштейна

Почему Мейерхольду удалось благополучно пережить ежовщину? При его близком знакомстве с расстрелянными лидерами антисталинских партийных групп, при его огромных зарубежных связях, при его вызывающем поведении, при его творческой деятельности, столь враждебной всему, что насаждала Сталин и Жданов в искусстве, как это вышло, что он ни разу не был даже арестован и дождя неувеличим до дней относительного успокоения, воцарившихся после смещения Ежова, когда на пост начальника НКВД был назначен Берия? Мейерхольд принадлежал к единственной группе советских граждан, которую Сталин предпочитал не ликвидировать, даже в самые террористические времена, даже в тех случаях, когда с чехистской точки зрения для ареста бывало множество оснований. Точнее было бы сказать, что то была не группа, а считанные единицы счастливицков, крохотная капля в миллионном народном море, где каждый мог в любую ночь ожидать роковой стук в дверь. Мейерхольд был большой художник, имевший мировое имя. И это обстоятельство на весах «государственной безопасности» перетягивало все тяжелые пакеты лубянского материала. С политической точки зрения было выгоднее не уничтожать артиста, а промывать ему мозг, приручить его и заставить работать на пользу сталинского дела. Мудрость такой политики блестяще подтверждал как раз тогда, в 1938 году, случай Эйзенштейна. Выдающийся кинорежиссер С. М. Эйзенштейн, пользовавшийся благодаря интернациональному языку своего искусства еще большей всемирной известностью, нежели его учитель Мейерхольд, имел на душе великое множество грехов против Сталина.

В творческих биографиях Мейерхольда и Эйзенштейна, начиная с даты возвращения последнего из Америки в 1932 году, можно обнаружить разительное сходство. Оба художника творчески умыли, не желая присоединяться к генеральному фронту сталинского искусства. С 1932 по 1936 году Эйзенштейн не выпустил ни одной единственной картины, ограничиваясь чтением лекций в Государственном институте кинематографии. В 1936 году вышел его фильм «Бежин луг» и тотчас же подвергся жестокому разгрому за идеологические и формалистические ошибки. Сценарист-писатель Бабель был арестован, все руководство советской кинематографии во главе с начальником Шумяцким тоже было вскоре арестовано, а самого главного «преступника» — создателя «Бежина луга» Эйзенштейна — не тронули. В следующем, 1937 году Сталин лично поручил ему постановку чрезвычайно важного в политическом отношении фильма «Александр Невский». Дабы избежать опасностей ненадежного мастера от всяких вредных уклонов, ему в помощь были назначены два партийных комиссара — режиссер Васильев и писатель Павленко. К середине 1938 года съемки «Александра Невского» подошли к концу и все говорили о том, что картина будет именно такой, какая была нужна диктатору. — по пьесой, мастерски сделанной кинооперой, патристической по настроениям, возвысившей идею сильного вождя и мобилизовавшей народные чувства против враждебной в ту пору Германии. Эйзенштейн сделал то, что от него требовали. Очередь была за Мейерхольдом. Вопрос был только во времени.

В первой половине 1939 года имя Мейерхольда все чаще произносилось за кулисами Театра Вахтангова в связи с различными совещаниями в ВКИ, на которые теперь часто приглашался В. Э. Странным образом «градус» опалы видного советского гражданина всегда легко определяется тоном и количеством разговоров о нем в дисциплинированном, умудренном жизненным опытом советском обществе. Как будто какой-то невидимый машинист регулирует таинственный передаточный механизм, то нажимая, то отпуская рычаги: чем тяжелее опала — тем меньше разговоров. Ослабела немощность — и сразу же больше заговорят о человеке, а иногда и помянут добрым словом. Арестуют человека — и сразу, как по мановению волшебной палочки, умолкают разговоры о нем, как будто и не было никогда такого человека на свете...

«...Зинаида Райх была найдена убитой в ее квартире в Брюсовом переулке. Убийцы зарезали ее ножом. Квартира долго оставалась опечатанной НКВД».

многие невозможно проверить. Говорят, что Мейерхольд и Бабель были убиты летом 1940 года в одном из лагерей на берегу Охотского моря. Убийство было совершено по приказу начальства. Причины его неясны. Существует много слухов о причине убийства Райх. Автор этой книги слышал личное в Москве, что ее убили члены конспиративной «фашистской» организации, к которой принадлежал Мейерхольд, из боязни, что она может выдать властям сведения об этой организации. Это, конечно, совершенно фантастический вариант. Гораздо логичнее предположить, что убийство Райх было совершено по приказу Лубянки, которой необходимо было ее уничтожить. Убийство — дело темное. Убить могут и простые бандиты. Каждый арест — всегда дело рук чехистов. В случае с известной актрисой, имевшей множество друзей в иностранных кругах как в Москве, так и в Западе, выгода было убить и свалить убийство на грабителей или на «фашистов».

Последнее выступление В. Э.

Для закрепления «достижений» социалистического реализма и окончательного устранения последних сомнений (если таковые еще у кого-либо имелись) Комитет по делам искусств созвал в июне 1939 года Всесоюзную конференцию режиссеров. Участвовать в ней был приглашен и Мейер-

хольд. То был жест властей, явно рассчитанный на примирение с В. Э., которому предоставлялась открытая трибуна для публичного покаяния. У правительства не было сомнений в том, что за полуторогодишнее свое бездействие мастер успел перестроиться и осознать свои многочисленные ошибки и грехи. В назначенный день конференция торжественно открылась. В переполненном Белом зале Дома актера, кроме 300 делегатов, съехавшихся со всех концов Советского Союза, присутствовало множество гостей. Каждый из московских театров получил большое количество входных билетов для своих актеров. На третий день конференции 15 июня 1939 года развернулись прения по докладам. Третьим оратором выступил Мейерхольд. Привел впечатление от его речи, описанные в автобиографической книге пишущего эти строки «Угрошение искусства»: «Со своего места в зале поднялся человек с большой шевелюрой седых волос, с характерным профилем. Со старым портфелем в руке идет он на сцену. Овация не умолкает. Мейерхольд неподвижно стоит на кафедре с каким-то усталым и безразличным видом. Он положил портфель перед собой и спокойно смотрит в зал, выжидая конца овации. А она все не утихает. И даже председатель и члены президиума заразились общим настроением и горячо аплодируют, вместо того, чтобы прекратить явную и очевидную демонстрацию. Наконец овация кончается так же дружно, как и началась. В зале становится сразу удивительно тихо. Мейерхольд начинает говорить. Он говорит очень тихо, медленно, голосом глухим и, как вначале показалось, неуверенным. И лишь постепенно загораются его глаза, крепнет и становится уверенным голос. И к концу речи в нем звучит сталь. И на сцене стоит уже не усталый старик, безразличный ко всему на свете, а сильный и бесстрашный человек, пламенный художник — неподкупный и непримиримый...»

Мейерхольду дали договорить до конца, вероятно, потому, что сверху получено было распоряжение дать ему возможность высказаться. А может быть, и потому, что и в зале, и в президиум конференции сидели люди искусства, не пожелавшие и не посмевшие прервать единственного великого художника среди них всех, последнего из мотыжков, пережившего славу русского театра.

Выступление Мейерхольда — это большая ошибка Лубянки, которую это ведомство уже никогда не повторило в будущем. На открытую трибуну был выпущен ненадежный человек, не обработанный надлежащим образом, с «непробитым» мозгом, незагипнотизированный и неустрашенный. Арестован был Всеволод Эмильевич по приказу Берия в ночь с 17 на 18 июня 1939 года. В момент ареста критика обрывается, и имя человека вычеркивается из списков живущих в этом мире. В 1940 году была издана издательством «Искусство» книга «Режиссер в советском театре», содержащая стенограммы всех выступлений на конференции режиссеров. Имена Мейерхольда в ней не упоминаются.

Приведена в этой книге и речь И. Альтмана, в которой, по сообщению «Правды» от 17 июня 1939 года, было полверного резкой критике выступление Мейерхольда. Но сейчас в этой речи не было и намека на Мейерхольда. Мейерхольд канул в Лету, испарился, исчез навсегда... Через несколько недель после ареста Мейерхольда Зинаида Райх была найдена убитой в ее квартире в Брюсовом переулке. Убийцы зарезали ее ножом. Квартира долго оставалась опечатанной НКВД.

Автору этой книги удалось лично видеть человека, вполне заслуживающего доверия, державшего в своих руках открытку, посланную Мейерхольдом его биографу и другу Н. Д. Волкову в самом начале 1940 года либо из сибирского концлагеря, либо с этапного пути. Открытка была написана карандашом и носила штемпель одной из небольших забайкальских железнодорожных станций. Это последнее известие о Мейерхольде, которое можно считать достоверным. Все остальные сведения о его судьбе после ареста относятся к категории слухов,

«Русскому театру был нанесен удар такой силы, от которого он, по глубокому убеждению пишущего эти строки, уже никогда не оправится, даже если бы завтра кончилась советская власть и в России воцарилась полная творческая свобода».

Ю. Елагин

Вопрос режиссерам:

Согласны ли вы с мнением Юрия Елагина, что Театр Мейерхольда был последним настоящим театром в России?

Юрий ЛЮБИМОВ:

«ЕЛАГИН БЫЛ ВПРАВЕ ТАК ГОВОРИТЬ, И Я НЕ МОГУ ЕГО ОПРОВЕРГНУТЬ»

Юра Елагин — прекрасный человек. Я знал его еще по Театру Вахтангова. Юра служил в музыкальной части, был хорошим скрипачом, потом в Америке он даже работал в одном престижном оркестре. Он удивительно точно разбирал во всех коллизиях этого театра. А потом мы встретились с ним в Америке спустя пятьдесят лет и даже с трудом узнали друг друга. Он не знал в полной мере состояния наших дел, хотя и интересовался нашим театром, потому что считалось, что я продолжаю дело Мейерхольда. Так что можно сказать, что он писал со знанием дела, но с тех пор был оторван от нашей театральной действительности. С его точки зрения удар был действительно смертельным, тем более что не только ТИМу его нанесли, но и МХАТ-И закрыли, ввели цензуру, и вообще началась такая всеобщая мхатизация. Так что со своих позиций он вполне был так говорить, и я не могу его опровергнуть. Мы вообще очень мало заботимся друг о друге, не следим, обмениваемся какой-то поверхностной информацией или вообще дезинформацией. Недавно по каналу «Культура» сказали, что Любимов собирается восстанавливать «Транзит» и «Синюю птицу», а я говорил о «Добром человеке...». А все потому, что люди обмениваются информацией автоматически.

Валерий ФОКИН:

«АБСОЛЮТНО ПРАВИЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ. ТОЛЬКО ОНО СПРАВЕДЛИВО ДЛЯ ТОГО ВРЕМЕНИ»

Ситуация изменилась, и дело тут не только в свободе. Просто критик Мейерхольда все равно проносил и театре в лучших постановках Любимова, Товстоногова, Реннания театра в шестидесятые годы — лучше ли, хуже ли, с кризисами — все-таки произошло. Это если говорить о творчестве. Но если говорить о личности Мейерхольда, то действительно удар был смертельным. Ведь ему было 66 лет, он был в расцвете сил и ждал нового театра не из-за злания даже, а из-за новых творческих возможностей. Он собирался ставить там «Бориса Годунова», «Гамлета». Он мог бы сделать еще несколько не просто хороших, но эталонных спектаклей с точки зрения развития театра. Но... Я считаю, что в лучших спектаклях мира всегда есть Мейерхольд.

лас советская власть и в России воцарилась полная творческая свобода.

Чужой

Склонившись на уговоры Керженцева и приняв к постановке «Наташу» и «Одну жизнь», Мейерхольд отнюдь не сдал своих творческих позиций и поставил обе пьесы так, как подсказывали ему его желание и совесть художника. Результатом была катастрофа. И «Наташа», и «Одна жизнь» были доведены до генеральной репетиции и запрещены Комитетом по делам искусств и высшим начальством из ЦК. Просмотр «Наташи» состоялся весной 1937 года, «Одна жизнь» готовилась к 20-летней годовщине Октябрьской революции, следовательно, генеральную репетицию можно отнест к первым дням ноября этого года. В подозрительной и запуганной прессе «ежовского» года ничего нельзя прочесть о мейерхольдовской постановке «Наташи» Сеифуллиной. Однако кое-что можно узнать об «Одной жизни», потому что именно этот спектакль оказался последней каплей, переполнившей чашу терпения сталинских властей. «Одну жизнь» удалось увидеть не только одному начальству. Состоялся общественный просмотр этого спектакля, на котором присутствовали видные актеры московских театров, в том числе актеры Театра им. Вахтангова. По словам высших начальства автор этой книги, спектакль изобиловал многими блестяще поставленными сценами и был окрашен в трагические, безжалостные тона. Ужасы гражданской войны были представлены с небывалой в истории советского театра откровенностью, лишенной всякой

Об авторе. Ю. Б. Елагин в 30-е годы занимал скромную должность оркестранта Театра им. Евг. Вахтангова. В годы войны на волне так называемой второй эмиграции оказался на Западе. В 1955 году в Нью-Йорке вышла его книга «Темный гений» — о Всеволоде Мейерхольде, считающаяся лучшей биографией знаменитого режиссера, сейчас она готовится к публикации у нас издательством «Вагриус». Предлагаем читателям «ВК» отрывок из книги. Заголовки даны редакцией.

НАШ КОНТАКТНЫЙ ТЕЛЕФОН - 229-52-52